

Тан Юйхуэй изначально полагал, что раз Гардзе-Тибетский автономный округ такой большой, а Кандин — его административный центр, то, по логике вещей, он должен процветать. Но Кан-старший сказал ему, что население Кандина составляет чуть больше ста тысяч человек, и только в прошлом году округ вышел из списка беднейших районов.

Тан Юйхуэй прожил более двух месяцев в посёлке: только степи, коровы да козы. Самым густонаселённым местом, которое он видел, был местный рынок. Там продавали только скот и сельскохозяйственные продукты. Он с любопытством прошёлся по нему вместе с Кан Чжэ, и как он ни мешкал, вся прогулка заняла не больше десяти минут. Тан Юйхуэй несколько раз просил Кан Чжэ отвезти его в маленькую лавочку на окраине посёлка, чтобы купить детям сладости и канцелярские принадлежности, это могло сойти за редкий шопинг.

Хотя Кан Чжэ давно предупреждал, что в уездном городе особо нечего смотреть, Тан Юйхуэй так долго был вдали от городской цивилизации, что даже воздух, в котором чувствовалось присутствие людей, казался ему свежим. Поэтому перед отъездом он радовался, словно собирался на пикник.

Они выехали рано утром. Кан Чжэ, опасаясь, что Тан Юйхуэй продует и он простудится от долгой езды на мотоцикле, снова достал тот самый пуховик и накинул его на плечи Тан Юйхуэй. Тот сидел сзади, прислонившись к спине Кан Чжэ. Стоило мотоциклу немного отъехать, как куртка сама собой окутала их обоих.

Поскольку Кан Чжэ всегда ездил очень быстро, а на дальние расстояния — так и вовсе летел, Тан Юйхуэй было неудобно разговаривать — ветер тут же набивал рот. Поэтому он под рёв мотора привычно погрузился в свои мысли. Оказавшись во власти ветра, теряешь дар речи — такова неизменная сила природы.

Тан Юйхуэй отрешённо смотрел на пейзаж этого бескрайнего и пустынного шоссе: необузданные белые облака, высокие суровые горы, безмолвно вбирающие в себя рассвет и закат. Тан Юйхуэй осознавал: их суть не исчерпывается красотой, они — воплощение вечного, неизменного смысла и высшего устремления.

Бескрайние степи, переходящие от увядания к буйной зелени; те долины, что от безмолвного покоя переходят к воссоединению, следуя за голосом ветра; десятки тысяч коров и коз, что нашли приют на бескрайних пастбищах; поля ячменя, колосья, колышущиеся под солнцем, словно море; реки, что вечно несутся бурным потоком; солнце и луна, что пробуждаются и вновь засыпают; древние звёзды, подобные безмолвным шрамам; и люди, с рождения добрые,

Тан Юйхуэй понял, что Кан Чжэ снова его подкалывает, и моментально присмирел.

— Нет, не надо... Просто покатай меня по городу, покажи что-нибудь...

— Ты больше часа был на ветру, разве тебе не холодно? — сказал Кан Чжэ. — Давай сначала поедим, согреемся.

Кан Чжэ привёл его в скромный ресторанчик, похожий на маленькие закусочные в их посёлке. Заведение находилось в стороне от главной торговой улицы, поэтому туристы сюда почти не заглядывали и посетителей было мало.

Как только Кан Чжэ переступил порог, Тан Юйхуэй услышал какой-то шум, словно кто-то резко вскочил, а затем — торопливые шаги. Он с любопытством выглянул и тут же встретился взглядом с парой невероятно красивых глаз. К ним спешил статный тибетский юноша, на вид ровесник Тан Юйхуэя. Он почти подбежал к ним и резко остановился перед Кан Чжэ, бросив взгляд на Тан Юйхуэя. Тот уже собрался улыбнуться, но юноша, сияя, тут же отвернулся и заговорил с Кан Чжэ по-тибетски.

Кан Чжэ ответил ему парой фраз. Было видно, что они хорошо знакомы. После одной из его фраз юноша снова рассмеялся и потянулся, чтобы ухватить Кан Чжэ за рукав. Но тот внезапно переключился на китайский и убрал руку.

— Даньчжу, говори по-китайски. Мы хотим сделать заказ.

Тибетец по имени Даньчжу на мгновение замер, а затем кивнул. Он повернулся к Тан Юйхуэю и поздоровался:

— Привет, меня зовут Даньчжу. Я друг а-Чжэ.

Его китайский был очень беглым, но интонация выдавала нежелание общаться. Было

очевидно, что поначалу он вообще не хотел разговаривать с Тан Юйхуэем, который улыбнулся ему, но ничего не ответил. Кан Чжэ протянул меню Тан Юйхуэю:

— Что будешь есть?

Тан Юйхуэй взглянул — сплошь говядина и баранина. Он не разобрался, поэтому ответил:

— Закажи ты. Я не привередлив.

Кан Чжэ даже не взглянул на меню, а сразу же сказал Даньчжу:

— Тогда как обычно. Приготовь что-нибудь на своё усмотрение.

Даньчжу посмотрел на Кан Чжэ, словно хотел что-то добавить, но тот прервал его лёгкой улыбкой:

— Давай быстрее, мы голодные.

Когда Даньчжу ушёл, Тан Юйхуэй, помолчав немного, медленно спросил:

— Это твой друг?

Кан Чжэ разломил для него одноразовые палочки и соскрёб с них заусенцы.

— Ага. Младше меня на два года, учились в одной школе.

— Он в тебя влюблён, да? — тихо произнёс Тан Юйхуэй.

Рука Кан Чжэ, державшая палочки, замерла. Затем он спокойно ответил:

— Да, я знаю. — Он налил Тан Юйхуэю чашку масляного чая. — Но здесь очень вкусно готовят. Эти две вещи никак не связаны, правда?

Тан Юйхуэй молча посмотрел на него, а потом усмехнулся:

— А-Чжэ, а ты и правда жесток.

Кан Чжэ поставил чайник и, глядя ему в глаза, негромко сказал:

— В этом мире для многих вещей порой и нужна подобная жестокость, разве нет?

Тан Юйхуэй промолчал и только через некоторое время поднял свою чашку и отпил чай.

— Да, ты прав.

Они сидели в тишине, пока Кан Чжэ не постучал по краю чашки:

— Если не хочешь здесь есть, может, пойдём в другое место?

Тан Юйхуэй улыбнулся.

— Нет, я хочу есть. Всё в порядке.

Еда и впрямь оказалась отменной. На столах у тибетцев обычно бывает много мяса, и оно быстро приедается. Но здесь, неизвестно как, говядина и баранина в супе полностью лишились своего специфического запаха, став ароматными и нежными. И всё же, даже несмотря на это, когда трапеза закончилась, Тан Юйхуэй не мог вспомнить, какие именно блюда заказывал Кан Чжэ. Когда пришло время платить, Даньчжу наотрез отказался брать деньги и проводил их до самого выхода.

Он так и не попрощался с Тан Юйхуэем, а лишь задержал Кан Чжэ, будто ненароком пытаясь продлить их разговор хотя бы на пару фраз. Но Кан Чжэ, казалось, больше не был настроен на пустые разговоры, он лишь смотрел на Даньчжу с лёгкой улыбкой. Спустя мгновение Даньчжу отпустил его руку. Лицо Кан Чжэ было совершенно спокойным, и напоследок он едва заметно покачал головой.

Когда они вышли из ресторанчика, Кан Чжэ спросил Тан Юйхуэя:

— Что ты хочешь купить?

Тан Юйхуэй подумал и ответил:

— Сначала давай купим одежду.

— Не покупай, — неожиданно сказал Кан Чжэ. — Носи мою, всё равно осталось всего несколько дней.

Тан Юйхуэй замер, и его сердце вдруг резко, мучительно сжалось. Словно тупой клинок внезапно провёл по коже, оставив рану — не слишком болезненную, но сквозь которую капля за каплей утекало что-то живое. Он постоял в оцепенении, а затем, взглянув на Кан Чжэ, кивнул:

— Хорошо.

Кан Чжэ грубовато потрепал его волосы:

— Тогда что ещё нужно?

Тан Юйхуэй, будто с трудом вспоминая, ответил:

— Конфеты и канцелярию для детей из класса.

— На этой улице такое найти непросто, — сказал Кан Чжэ. — Пойдём в супермаркет. Там местные сувениры должны быть дешевле, чем в лавках.

Тан Юйхуэй кивнул:

— Да, пойдём.

Идти за покупками с Кан Чжэ должно было быть приятно, но Тан Юйхуэй чувствовал себя рассеянным. Он упорно не хотел признавать факты, но Кан Чжэ со всей очевидностью подтолкнул его к ним.

Весь его вымученный оптимизм и показная беззаботность были не более чем хрупкой бумажной ширмой. А его заветная надежда — лишь отчаянной попыткой обмануть себя, судорожно собирая по крупицам воспоминания. Срок расставания был predetermined, и никакие уловки не могли его изменить. Кан Чжэ понимал это куда лучше него. Но эта неясная тоска, тенью следовавшая за каждым счастливым мгновением, вдруг нанесла сокрушительный удар, застав его врасплох. И сквозь пелену этой радости Тан Юйхуэй был вынужден увидеть правду о себе.

Кан Чжэ помог Тан Юйхуэю выбрать канцтовары и сувениры — по его мнению, покупать там было особо нечего, да и Тан Юйхуэю не нужно было много подарков, так что они управились меньше чем за час. Что привело Тан Юйхуэя в замешательство, так это то, что Кан Чжэ в каком-то углу супермаркета отыскал коричневую шляпу и купил её. Шляпа была явно рассчитана на туристов: с вышитыми тибетскими узорами, но вышивка была грубоватой, а по краям поля висела неровная бахрама. Однако, когда Кан Чжэ примерил её, Тан Юйхуэй невольно застыл: как такая простая вещь могла смотреться на нём так хорошо?

Несмотря на то, что это был лишь небольшой элемент гардероба, шляпа вдруг резко подчеркнула тот национальный колорит в облике Кан Чжэ, который обычно оставался незамеченным. Его и без того точёные, рельефные черты лица обрели ещё большую глубину и выразительность: он выглядел поразительно красивым, и весь его облик наполнился особенной, ни на что не похожей харизмой.

Когда они вышли из супермаркета, ещё не наступил вечер. Тан Юйхуэй осознал, что все дела переделаны, но возвращаться совсем не хотелось. Он с надеждой и тревогой посмотрел на Кан Чжэ — вдруг тот согласится куда-нибудь его сводить? Он как раз раздумывал, как бы обманом затащить Кан Чжэ погулять, как вдруг ему что-то резко нахлобучили на голову.

Кан Чжэ надел на него ту самую шляпу и небрежно спросил:

— Куда дальше?

Тан Юйхуэй растерянно уставился на него:

— Это ещё зачем?

По бокам шляпы были тесёмки. Кан Чжэ сначала молча завязал их под его подбородком и лишь потом медленно произнёс:

— Дарю.

Тан Юйхуэй стоял в полном замешательстве. Кан Чжэ потянул за концы тесёмки.

— Давай, решай. Не скажешь — поехали обратно.

— Тогда поехали на гору Паомашань! — тут же выпалил Тан Юйхуэй. — Хочу покататься на канатной дороге!

Кан Чжэ усмехнулся:

— Я так и знал.

Настроение Тан Юйхуэя мгновенно улучшилось. Его глаза изогнулись в полумесяцы, он обнял Кан Чжэ за талию и, как ему казалось, с большим воодушевлением громко запел:

— На горе Паомашань, что мчится вдаль, плывёт облачко, что мчится вдаль!

Кан Чжэ приложил палец к его лбу.

— Отвезти тебя могу, но я не хочу лезть на Паомашань. Гуляй один, а я потом за тобой заеду.

Тан Юйхуэй широко раскрыл глаза:

— Но почему?..

— Без «почему». Идём или нет? Если нет, то едем домой прямо сейчас.

Тан Юйхуэю очень хотелось посмотреть, так что ему пришлось уступить:

— Ну ладно...

В отличие от других достопримечательностей, знаменитая гора Паомашань находилась прямо в уездном городе Кандин, совсем недалеко. В билетной кассе у подножия горы дежурила женщина средних лет, и это был тот редкий случай, когда Кан Чжэ не смог пройти, просто показав своё лицо. Настал и для маленького принца из Кхама день, когда пришлось покупать билет. Тан Юйхуэю не дали вытащить деньги, и ему оставалось лишь смотреть, как Кан Чжэ с подчёркнуто равнодушным видом достал телефон, чтобы отсканировать код. Продавщица билетов с любопытством бросала на них взгляды. Тан Юйхуэй пообещал спуститься не позже, чем через час, после чего Кан Чжэ проводил его до канатной дороги и, помахав рукой, остался стоять на месте.

Канатная дорога была старой и ползла вверх медленно. Прошло несколько минут, а Тан Юйхуэй всё смотрел на удаляющуюся фигуру Кан Чжэ. Они приехали поздно, и время входа в туристическую зону подходило к концу. У кассы не было других туристов, в вагончиках сидели лишь редкие пассажиры. Только когда силуэт Кан Чжэ окончательно скрылся из виду, Тан Юйхуэй повернулся к раскинувшемуся перед ним пейзажу.

Ясное небо, казалось, всегда было к нему особенно благосклонно и дарило свой лучший цвет — словно свежеевыжатая краска на палитре. Прямо на этой синеве лёгкая облачная дымка постепенно, слой за слоем, расписывала полотно яркой белизной. Кандинские облака никогда не знали покоя, вечно собираясь и распадаясь рваными лоскутами. Но в этот миг они слились в единый исполинский пуховый ком, зависший в небе, словно белый одинокий остров. «А песня и правда хороша, — подумал Тан Юйхуэй. — "На горе Паомашань, что мчится вдаль, плывёт облачко, что мчится вдаль"».

Хотя облако было огромным и плотным, солнечный свет всё же пробивался сквозь его толщу и падал на стекло кабинки, постепенно окрашивая волосы Тан Юйхуэя в рыжий. Одна его половина была залита закатным светом, другая — окружена зелёными склонами гор. Тан Юйхуэй медленно поднимался вверх, окутанный мягким, милосердным сиянием. Перед ним лежала рукотворная лестница в небеса, а позади, по мере подъёма, постепенно проявлялись очертания огромного буддийского храма.

Кандин остался внизу, в мире людей. Закатные лучи падали на золотую крышу монастыря, и этот свет, похожий на россыпь золота, по мере подъёма кабинки медленно растекался перед

глазами в тонкую ленту, что дробилась и переливалась золотистой рябью, точь-в-точь как река в лучах заката.

Тан Юйхуэй заворожённо смотрел и внезапно ему почудилось, будто всё вокруг наполнилось гулом, а в груди поднялся и заполнил всё пространство ветер высокогорья — ветер без облика и формы, что раздувает сердце до тех пор, пока в нём не остаётся места. В этот момент его накрыла тоска по Кан Чжэ, хотя они расстались меньше двадцати минут назад. Сердце Тан Юйхуэя зашло в бешеном ритме. Он задался вопросом, у всех ли так: любовь — всегда катаклизм, что врывается в твою жизнь, не спрашивая разрешения, и накрывает тебя всепоглощающей волной. Это была не та любовь, что течёт нежным и ровным потоком. Нет, с самой секунды её зарождения Тан Юйхуэй осознавал: она была обречена потерпеть крах, столкнувшись с реальностью жизни.

Он не стал подниматься дальше в гору. Выйдя из кабинки, он протянул работнику обратный билет и тут же сел в кабинку, идущую вниз. С высоты птичьего полёта золотое сияние монастыря стало ещё более отчётливым. Оно уже не лилось так ярко и ослепительно, а тихо окутывало всю крышу, а затем и весь город.

Тан Юйхуэя уносило к другой стороне небесной лестницы. И хотя он не оборачивался, он знал: то самое облако было у него за спиной и нежно смотрело на него. «А-Чжэ, а-Чжэ». Он повторял это имя, словно в бреду. Но вот уже показалась конечная остановка, а силуэта Кан Чжэ не было видно. «Конечно, а-Чжэ не стал меня ждать», — с разочарованием подумал Тан Юйхуэй.

Было много вещей, которые а-Чжэ никогда бы не сделал, и стоять на одном месте в ожидании кого-то — вполне предсказуемый пункт в этом списке. «Мы договорились встретиться через час, — подумал Тан Юйхуэй, — он, наверное, пошёл к своему другу».

Работник с удивлением открыл ему дверь кабинки. Тан Юйхуэй медленно вышел, улыбнулся недоумевающему персоналу и решил найти место, где можно присесть и подождать. Странное дело: сам Кан Чжэ был довольно смуглым, но свет вокруг него вёл себя вопреки всякой логике — поглощался настолько сильно, что ничто и никогда не выглядело ярче него.

Тан Юйхуэй поднял глаза и сразу же увидел Кан Чжэ. Тот сидел на скамейке за диспетчерской, уткнувшись в телефон. Он держал два пакетика с каштанами: один он как раз подносил ко рту, а другой был аккуратно завернут и висел у него на сгибе локтя. Почувствовав движение, Кан Чжэ поднял голову и на миг замер:

— Почему ты спустился так рано?

Тан Юйхуэй молча подошёл к Кан Чжэ и медленно присел перед ним. Он доверчиво опустил голову ему на колени, прижавшись щекой. В сердце прозвучало лишь одно имя: «А-Чжэ». Затем он тихо поднял голову и посмотрел на него:

— А-Чжэ, я люблю тебя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130186>